

научных заслуг Ф. И. Успенского, резко критиковал его политические взгляды и взгляды других буржуазных византинистов. Он показал, насколько тесной была связь мировоззрения Ф. И. Успенского с политической царского правительства и насколько ярко она отражала реакционную идеологию, покоящуюся на принципах самодержавия, православия и народности⁷⁰.

Известный византинист Ф. И. Шмит в своем очерке «Политика и византиноведение» еще ярче и резче выступил против политических основ русского буржуазного византиноведения. «Для Ф. И. Успенского, — писал он, — византиноведение так прочно связалось с определенной политической системой, что он его не представляет в иной связи, не может оценить его подлинно научной ценности, как науки, изучающей особую характерную разновидность феодальной формации, во многом отличную от западноевропейской...»⁷¹

И Г. Н. Лозовик и Ф. И. Шмит признавали, что Ф. И. Успенский немало сделал для налаживания исследовательской работы по византиноведению в Академии наук СССР. Но он хотел возродить там старые традиции буржуазной византиноведческой науки. Передовые византинисты в начале 30-х годов уже прекрасно понимали, что надо создать новое, марксистское византиноведение, а не укреплять старое, буржуазное. По этому поводу Ф. И. Шмит писал: «Если бы мы вздумали, как этого хотел Ф. И. Успенский, вновь „утвердить“ в СССР старые традиции византиноведения, как оно процветало у нас до 1917 г. в университетах и духовных академиях, потеря времени была бы смерти невозвратной подобна. Но в утверждении этих старых традиций никакой надобности нет...»⁷²

Если византинисты 30-х годов критиковали буржуазную науку, и в том числе Ф. И. Успенского, прежде всего за реакционные политические взгляды, оставляя в стороне методологию, то позднее советские ученые подвергли критике уже методологические основы буржуазного византиноведения⁷³. Было наглядно показано, что в научной деятельности Ф. И. Успенский и в послеоктябрьский период оставался в замкнутом кругу буржуазной позитивистской методологии. М. В. Левченко (1890—1955) особенно резко выступал против объективистского подхода к оценке трудов буржуазных византинистов⁷⁴.

В первые годы после революции процесс становления советской византистики крайне осложнялся из-за отсутствия марксистских кадров византиноведов. Предстояло пройти еще долгий путь для того, чтобы прео-

⁷⁰ Г. Н. Л о з о в и к. Десять лет русской византологии (1917—1927). — «Историк-марксист», 1928, № 7, стр. 228—238.

⁷¹ Ф. И. Ш м и т. Политика и византиноведение. — «Сообщения ГАИМК», 1932, № 7-8, стр. 18. Ф. И. Шмит там же писал: «Основные проблемы византиноведения, подлинно научного (будучи тоже, разумеется, сугубо политическим), лежат в совершенно иной плоскости, чем грызня империалистических хищников из-за византийских территориальных лохмотьев или чем все известия Константина Порфирородного „О приеме великой княгини Ольги и ее свиты в Константинопольском дворце“... и все те частные вопросы, которые только и умеет перечислить акад. Ф. И. Успенский» (там же, стр. 19).

⁷² Там же, стр. 20.

⁷³ См. М. В. Л е в ч е н к о. Византиноведение в СССР, стр. 224—235; З. В. У д а л ь ц о в а. К вопросу об оценке трудов академика Ф. И. Успенского. — ВИ, 1949, № 6, стр. 116—127; А. П. К а ж д а н. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв. М., 1952, стр. 6 сл.

⁷⁴ М. В. Левченко, критикуя Б. Т. Горянова, писал: «Работа Горянова, однако, не отмечает принципиальную разницу между старым русским византиноведением, стоящим в основном на позициях позитивистской буржуазной науки, и советским византиноведением, которое ставит своей целью разработку истории на основе марксистско-ленинской методологии» (указ. соч., стр. 234—235).